

А.В. Сергеев (Москва, Россия)

Жанр романа в творчестве Х. Понтоппидана

Аннотация: Статья посвящена жанру социально-психологического и философского романа в творчестве Х. Понтоппидана на рубеже XIX–XX в. В ней констатируется близость его эстетической программы идейным установкам культурного движения «Современный прорыв», раскрывается полемика с идеями грундтвигианства в романе «Обетованная земля» (1891–1895) в духе антиклерикальных воззрений Г. Брандеса, рассматривается вопрос о поиске смысла человеческого существования в романе «Счастливчик Пер» (1898–1904), обнаруживающем сходство с идейными исканиями Х. Ибсена.

Ключевые слова: жанр, эстетическая программа, антиклерикальные воззрения, идейные искания

A. V. Sergeev (Moscow, Russia)

The Genre of a Novel in the Work of H. Pontoppidan

Abstract: This article discusses H. Pontoppidan's social-psychological and philosophical novel at the turn of the 20th century. It is argued that Pontoppidan's aesthetics were similar to the beliefs of the Modern Breakthrough adherents, he shared Georg Brandes' anticlerical views and debated grundtvigianisme in *The Promised Land* (1891–1895), his *Lucky Per* (1898–1904), like H. Ibsen's *Peer Gynt*, exposed his searches for the essence of human existence.

Key words: genre, esthetic program, anticlerical views, artistic explorations

С именем Хенрика Понтоппидана (1857–1943) связаны вершинные достижения в жанре социально-психологического и философского романа в литературе Дании. Первые рассказы Понтоппидана увидели свет в середине 1880-е гг., и он не принимал непосредственного участия в культурном движении Г. Брандеса «Современный прорыв», возникшем в начале 1870-х гг. и ставившем своей целью создание верного жизни проблемного искусства. Однако именно Понтоппидан сумел сохранить и преумножить то лучшее, что было у его предшественников. «Как никто другой среди датских писателей, Понтоппидан глубоко вдохнул свежий воздух, ворвавшийся сквозь распахнутые Г. Брандесом окна, и никто так, как

он, не ответил на требование ставить проблемы на обсуждение»¹. Но это не значит, что писатель ограничивал себя только постановкой социальных проблем. Подобно Ибсену, Понтоппидан задал тон дискуссии о смысле человеческого бытия. Эта проблема лежит в основе самого крупного романа Понтоппидана «Счастливчик Пер» (1898–1904), принадлежащего вместе с романами «Обетованная земля» (1891–1895) и «Царство мертвых» (1912–1916) к лучшим произведениям датской литературы конца XIX – начала XX в.

Понтоппидан родился 24 июля 1857 г. в Ютландии. История рода Понтоппиданов, священников из Фредерисии, своими корнями уходит в начало XVII в., когда один из далеких предков писателя, Эрик Брөбю, по обычаю того времени перевел свою фамилию на латинский язык. Об этом Понтоппидан поведал читателям в автобиографии «На пути к самому себе» (1943), составленной из четырех томов воспоминаний, написанных в период 1930–1940-х гг. («Годы детства», 1933; «Зрелость», 1936; «Наследство и долг», 1938; «Семейная жизнь», 1940). Понтоппидан приводит в автобиографии такой курьезный факт: в Германии его произведения без ведома писателя и к его глубокому неудовольствию впервые были опубликованы под фамилией Топпидан с частицей фон, что указывало на его якобы дворянское происхождение.

Понтоппидан рос и воспитывался в семье священника, но, по его собственному признанию, был начисто лишен религиозного чувства. В отличие от своих многочисленных предков-церковнослужителей, он еще в отрочестве решил стать инженером и после окончания реального училища в городе Раннерс поступил в Копенгагенский Политехнический институт. Однако незадолго до его окончания он изменил свои планы и, не получив институтского диплома, уехал в Северную Ютландию, чтобы попробовать себя в качестве преподавателя Высшей народной школы. В 1881 г. Понтоппидан женился на дочери местного крестьянина и оказался в гуще крестьянской жизни. К этому времени относятся первые литературные опыты писателя, в которых центральное место занимает крестьянская тема. Потрясенный нищетой и страданиями крестьян он пишет исполненные обличительного пафоса рассказы, изданные в двух сборниках: «Картины сельской жизни» (1883) и «В хижинах» (1887). Острая социальная критика пронизывает и другие произведения Понтоппидана тех лет, в частности, большой рассказ «Церковная шхуна», вошедший в сборник «Подрезанные крылья» (1881), повести «Приход Сандинге» (1883), «Полярный медведь» (1887), сборник рассказов «Тучи» (1890).

Об эстетических взглядах Понтоппидана написаны десятки книг и статей, но лучше всего о них судить по его собственным высказываниям, вложенным в уста главного героя романа «Ночная стража» (1894). В нем писатель воссоздает атмосферу острых дискуссий, развернувшихся в период идейного кризиса «Современного прорыва». Йорген Халлагер, возглавляющий движение молодых радикально настроенных художников, осуждает датских неоромантиков и символистов за измену актуальным вопросам современности. В своих выпадах против адептов «бесполезной красоты и заоблачных фантазий» он почти дословно повторяет слова Г. Брандеса о том, что современный художник «призван участвовать в борьбе за свободу человеческого духа». Представитель нового поколения датских художников восхищается творчеством своих предшественников, создававших, по его словам, «передовое социальное искусство» и сознательно «использовавших его для агитации в борьбе за построение справедливого общества».

¹ *Thomsen K. Hold galden flydende. Aarhus, 1957. S. 137*

Свою брандесианскую по духу эстетическую программу Понтоппидан воплощает в крестьянских рассказах и постепенно становится ведущим крестьянским писателем, показывающим истинное положение дел в датской деревне: социальное расслоение крестьянства, бедность и бесправие бедняков, ужасающие условия их жизни. Высокую оценку крестьянским рассказам Понтоппидана дает Г. Брандес. Писательский дар Понтоппидана представляется ему «здоровым и мощным как чернозем»¹. Глубокое внутреннее родство с Понтоппиданом испытывает М. Андерсен-Нексе. В предисловии к роману «Пелле-Завоеватель» (1906–1910) Нексе назовет Понтоппидана своим учителем.

Почти все рассказы Понтоппидана, представленные в сборниках «Картины сельской жизни» и «В хижинах», отличаются ярко выраженной тенденциозностью и, как у многих других скандинавских писателей конца века, отмечены печатью натурализма. Персонажи Понтоппидана в большинстве своем несчастные, обездоленные, опустившиеся на дно жизни люди. Об их отчаянной борьбе за существование рассказывается сдержанно, почти бесстрастно, лишь изредка в интонации рассказчика слышатся нотки сарказма или гнева. В «Хлебе из милости» одинокую больную старуху насильно увозят в дом призрения. Он похож на тюрьму, и в народе о нем идет худая молва. Старуху связывают, бросают на повозку, и на вопрос недоумевающего священника о том, что здесь происходит, крестьяне равнодушно отвечают: «Да это Стине Бедкерс отправили в “ящик”». В рассказе «Ане Мете» вдова рыбака приходит на кладбище, чтобы перезахоронить прах своего ребенка. Девочка скончалась от воспаления легких в тот момент, когда ее отца с приступом белой горячки принесли из трактира четверо его друзей. И вот спустя двадцать лет могила дочери исчезла. Это место на кладбище продано богатым людям. В рассказе «Калека» смертельная болезнь жены разлучает двух молодых любящих друг друга людей. Иронически звучат в уста священника слова о «незнающей пределов милости Господней». В рассказе «Великий день» жена выгоняет из дома мужа-алкоголика, после чего он кончает с собой. «Великим» этот день становится для их малолетнего сына. Он горд тем, что оказался в центре всеобщего внимания. Герой рассказа «Путешественник», от лица которого ведется повествование, случайно забрел в крестьянское селение и в одной из покосившихся глиняных хижин под грудой ветхого тряпья обнаружил немощную старуху. В руках у нее палка, которой по ночам она отбивается от полчища крыс. Власти обещали отправить ее в больницу, ожидая, что, скорее всего, она умрет по дороге... Рассказчик покидает селенье, горестно повторяя про себя: «Век гуманности – свободы – прогресса!»

В рассказах сборника «Тучи» Понтоппидан затрагивает проблему общественно-политической жизни страны. Он изображает парламентских лидеров, предающих интересы своих избирателей, с горечью пишет и о пассивности крестьян, отказавшихся от борьбы за свои права. При этом он проявляет большой интерес к внутреннему миру отдельного человека, к тому, как в его сознании преломляются общественно-политические проблемы своего времени. Одна из таких проблем – отношение к религиозно-почвенническому грундтвигианскому движению, возникшему в Дании в начале XIX в. и вскоре превратившемуся в общественную силу национального значения.

По мысли основателя движения, писателя, философа, религиозного и общественного деятеля Н.Ф.С. Грундтвига (1783–1872), датская культура представляла

¹ Brandes G. Henrik Pontoppidan // Brandes G. Samlede skrifter. Bd. 3. København, 1919. S. 315.

собой культуру высших слоев общества и не находила опоры в народной среде. Простым людям не хватало образования, чтобы принимать участие в общественно-культурной жизни. Эту проблему, по мысли Грундтвига, была призвана решить основанная им Высшая народная школа, открывшая свои двери для взрослого населения Дании. Всеобщее народное образование на основе христианского вероучения и с сохранением национальных традиций дохристианского прошлого должно было дать мощный подъем национального культурного строительства.

К 1870-м гг. грундтвигианское движение охватило подавляющую часть сельского населения страны и нашло сторонников среди городских жителей, сохранявших интерес к народной культуре. Ориентированное на традиционные ценности и национальную культурную традицию, оно было направлено против свободомыслящего, либерально-демократического движения Г. Брандеса. В нем оно видело угрозу возрождению «национального христианского духа» и всеми способами пыталось дискредитировать «безбожное и вольнодумное» брандесианство.

Казалось, Понтоппидан как защитник крестьянских интересов должен был находиться на стороне противников Г. Брандеса. И хотя Понтоппидан и заявлял, что «никогда не состоял в дружине святого Георга», тем не менее именно он оказался наиболее верным его сторонником. Как писал Э. Бредсдорф, «воинствующий радикал и тенденциозный писатель, исполненный гнева против социальной несправедливости, отстаивавший идею политической свободы и выступавший против романтического мировоззрения, религии и церкви, Понтоппидан выражал в своем творчестве идеологическую позицию Г. Брандеса»¹.

В написанных вслед за крестьянскими рассказами повестях «Приход Сандинге» и «Полярный медведь», Понтоппидан едко иронизирует над грундтвигианской идиллией народной жизни, не имеющей ничего общего с реальной действительностью. В «Приходе Сандинге» богатая копенгагенская дама произносит восторженные речи о своей любви к простым людям и прогоняет находящуюся у нее в услужении крестьянскую девушку, соблазненную ее сыном. В «Полярном медведе» священник после долгих лет пребывания в Гренландии возвращается домой и получает приход. Но вскоре становится жертвой церковных интриг и вынужден вновь уехать на Север. Разоблачению ложных, далеких от жизни представлений посвящены и другие повести Понтоппидана 1890-х гг.: «Воспоминания» (1893), «Древний Адам» (1894), «Песня песней» (1894), линия от которых ведет к первому крупному произведению писателя – романной трилогии «Обетованная земля» (романы «Чернозем», «Обетованная земля», «Судный день», 1891–1895), в которой вопросы религиозной веры решаются в духе антиклерикальных воззрений Г. Брандеса.

В центре трилогии судьба молодого священника Эммануэля Ханстеда, видящего свое призвание в пробуждении сознания крестьян и приобщении их к духовной культуре. Но его стремление опроститься, поселившись среди крестьян и женившись на крестьянской девушке, равно как и его мечты о своей культурно-просветительской миссии, приводят лишь к тому, что он разочаровывается в людях, теряет уверенность в себе и в конце концов сходит с ума. Причина всех его бед – религиозно-романтическое мировоззрение. Свои неудачи Эммануэль объясняет тем, что не умеет правильно истолковать Божью волю.

Крестьяне, в глазах которых Эммануэль хотел казаться своим, на деле оказываются хитрыми и бесчестными людьми, а вовсе не теми «чадами Божьими», какими он себе их представлял. Его брак с крестьянкой рушится, потому что у них с

¹ *Bredsdorff E. Henrik Pontoppidan og Georg Brandes. En kritisk undersogelse. København. 1964. S. 85.*

женой совершенно разные интересы. И самое страшное – умирает его единственный сын. Свято веря, что болезнь ребенка – это «испытание, ниспосланное ему Богом», Эмануэль слишком поздно обращается за помощью к врачу. Смерть сына он воспринимает как «наказание за то, что в тяжелую минуту пал духом и все же обратился к помощи человека, идя наперекор неумолимой воле Провидения».

Потрясенный смертью сына, Эмануэль превращается в обезумевшего фанатика, проповедующего наступление конца света и ожидающего, что «Бог заговорит его устами и откроет людям истину». И когда этого не происходит, он теряет рассудок и умирает.

Совершенно очевидно, что «обетованная земля», которую безуспешно пытается найти Эмануэль, не более чем плод его фантазии. Поэтому его поиски истины с самого начала обречены на неудачу. В то же время неуклонное стремление героя в своем служении Богу, подобно ибсеновскому Бранду, идти до конца вызывает к нему невольное сочувствие. Как замечает по этому поводу С.М. Кристенсен, «суд над мечтателем вершится без милосердия, однако с уважением к той страсти, с которой герой заставляет себя поверить в свое дело и следовать своему пути без колебаний»¹. Между тем сходство между героями Ибсена и Понтоппидана чисто внешнее. Если Ибсен концентрирует внимание на том, с какой страстью Бранд отдается религиозной идее, саму же идею он формулирует крайне абстрактно, то для Понтоппидана религиозные искания Эмануэля – это отражение острой политической борьбы за влияние на крестьянство, происходившей под прикрытием теологических дебатов и споров о культуре.

Сам Понтоппидан называл свой роман «переосмыслением библейского мифа». Частная судьба героя приобретает в нем характер большого художественного обобщения. Трагический финал романа становится «судным днем» для многочисленных приверженцев грундтвигианства, питавших несбыточную надежду путем возрождения традиционных ценностей разрешить социальные противоречия и превратить Данию в некую идеальную, патриархально-христианскую «обетованную землю».

В «Счастливице Пере» проблемы общественной жизни и национальной культуры играют не менее важную роль, чем в «Обетованной земле». Однако в центре внимания автора проблема духовного становления личности. Если Эмануэлю, несмотря на все его усилия, так и не суждено духовно прозреть и разрешить мучавшие его противоречия, то Перу Сидениусу удастся воплотить заложенные в нем способности к созиданию и стремление к свободе.

Принято считать, будто ключом к пониманию авторского замысла в романе служит притча Понтоппидана «Полет орла» (сборник «Хроники», 1890) об орленке, выросшем вместе с курами и утками на крестьянском дворе. Увидев пролетающую в небе орлицу, он устремляется следом за ней, но, испугавшись высоты, возвращается назад и гибнет от выстрела работника, принявшего его за хищную птицу. Смысл аллегорической притчи, иронически переосмысливающей содержание андерсеновской сказки, сводится к тому, что влияние среды сильнее природного начала. И что Пер, хотя и отваживается на бунт против обывательской среды, все же не в силах преодолеть власть родовых традиций, «проклятие наследства Сидениусов»².

Но, несмотря на заметное сходство между двумя этими произведениями, прямого совпадения здесь нет. Идейное содержание романа принципиально отличается от морали притчи. Идея развития и саморазвития личности является в рома-

¹ Brønsted M. og Kristensen S.M. Danmarks litteratur. Bd. 2. København, 1966. S. 68.

² Dahlerup-Petersen E. Henrik Pontoppidan // Kapitler af dansk digtning. København, 1951. S. 70.

не главной. Она выражена в судьбе и размышлениях героя, у которого, подобно герою ибсеновской драмы, духовная сущность определяет его образ жизни, неразрывно связанный с проявлением воли, с действием.

Наиболее важным внутренним качеством героя романа является стремление реализовать этический принцип «будь самим собой» – именно ту формулу жизни, которая для ибсеновских героев служит основой формирования личности, сочетающей в себе силу и цельность характера с высокими идеалами. Понтоппидан осуждает тех, кто умерщвляет свое духовное «я», равно как и тех, кто позволяет завладеть своей душой «троллям» и в погоне за успехом готов попирает права других.

Писателя глубоко волновала идея свободы. В какой мере сказывается на человеке влияние окружающей среды? Может ли даже сильная натура разорвать оковы, наложенные на нее воспитанием в детстве? Эти вопросы Понтоппидан задавал себе постоянно. И если в ранних произведениях он отвечал на них с известной долей пессимизма, то в «Счастливице Пере» писатель решительно изменил свою прежнюю точку зрения.

Строгие моральные запреты, дух христианского отречения и покорность судьбе, царящие в семье Сидениусов, не могут остановить развитие Пера, наделенного от природы «созидательной волей к жизни». Еще на студенческой скамье ему удастся разработать проект использования силы волн Атлантического океана. Этот проект, быть может еще незрелый, отмечен печатью незаурядного таланта. Мечты юного Пера вполне осуществимы, потому что он полон энергии и принадлежит к поколению «юных и смелых дарований», пришедших на смену бесплодным мечтателям и фантазерам, «лишним людям» 1890-х гг.

Однако преодолеть влияние прошлого, воплощенного в семейных представлениях и традициях, оказывается для Пера совсем не просто. Он хотя и оторвался от своих корней, но так и не обрел душевного равновесия и способности к объективной самооценке. В борьбе с деспотизмом отца Пер развил в себе «дух непокорного одиночества, которое стало движущей силой всей его последующей жизни». Пер замкнут в себе, честолюбив и эгоистичен. Усвоив радикальные взгляды доктора Натана, он приходит к выводу, что не следует быть разборчивым в средствах, если речь идет о великой цели, потому что «счастье достается самому ловкому, самому сильному, самому отважному». Удача сопутствует Перу. Он принят в кругах копенгагенской буржуазии, в него влюбляется дочь банкира Якоба. Его распирает от гордости во время поездки в Германию, где его проект получает одобрение специалистов. И когда он возвращается в Копенгаген, то настолько оглушен успехом, что теряет интерес к судьбе своего детища. Он слишком преисполнился чувства собственного величия, чтобы обсуждать судьбу проекта с ненавистными ему «денежными мешками».

Еще одним препятствием к свободному развитию личности становится для Пера внушенный ему в детстве страх смерти. Тяжелым испытанием оказывается для него смерть отца. Мысли о ней наполняют его беспокойством, которое мешает ему осуществить свои планы. Пера мучит не столько боль утраты, сколько ощущение угрожающей реальности смерти и уничтожения. В объятиях Якобы он, казалось, находит то, что позволяет ему «прогнать со своего пути призрак смерти». Однако смерть матери, которая прожила жизнь, полную страданий, вновь открывает для него «силу и величие в страдании, в отречении, в самопожертвовании». Косвенным комментарием к душевному состоянию Пера в этот момент служит письмо Якобы, в котором она высказывает мысль о том, что «между страхом

смерти и рабским смирением должна существовать связь»: «Если воспринимать наше пребывание на земле только как генеральную репетицию перед собственно представлением – куда денется радость жизни?» В последней главе романа Пер, словно соглашаясь с Якобой, говорит своей жене Ингер: «Есть люди, которых влечет к несчастью именно их религиозный инстинкт. Они утверждают, что лишь горе, отречение и безнадежность могут освободить дух человеческий».

По ходу действия романа Понтоппидан постоянно ставит своего героя перед этой ибсеновской дилеммой: радость жизни или отречение от нее, саморазвитие или самоуничтожение. Жажда славы и наслаждений увлекла Пера на ложный путь, путь эгоизма и себялюбия: «Он продал свою душу за блага земные. Сделка со счастьем, выпавшим на его долю, оказалась союзом, заключенным с самим сатаной». Этот путь оказался для Пера неприемлем. Другой путь, «по которому шли Сократ, Христос, или Будда», – это путь религиозного отречения. Пер помнит буддистское изречение: «Кто ничего не любит, ничего не ненавидит, ничего не желает на этой земле, тот и лишь тот, не знает ни оков, ни страха». Но жизнелюбивая натура героя не позволяет ему признать за счастье отречение от собственного «я». И когда Пер случайно узнает, что его мать, прежде чем оказаться в доме Сидениуса, была веселой и жизнерадостной девушкой, то страх за будущее своих детей, в которых он может пробудить мысль об отречении от жизни, заставляет Пера покинуть семью и последние годы провести в одиночестве.

Каков же итог жизненных исканий Пера? На этот вопрос писатель дает ответ в последней главе – идейном стержне всего произведения. Пер так и не достиг в жизни больших высот и в глазах других выглядит неудачником. Но он не чувствует себя несчастным. Пер и вправду «счастливчик», потому что ему была дарована возможность познания и самопознания как источник высшего счастья человека («изведать высшее человеческое счастье “быть самим собой и познать самого себя”»). Понтоппидан, как и Г. Брандес, апеллирует к идее личности, которая благодаря стремлению к развитию, заложенному в человеческой природе, осуществляет принцип свободы. На собственном опыте Пер убеждается в необходимости не щадя сил бороться против того, что препятствует духовному совершенствованию, против разрушающего влияния среды и собственного эгоизма. Иначе легко стать человеком неполноценным, «заправским Сидениусом до конца дней». Это нелегкая борьба, но она оставляет надежду на победу. Именно по этой линии проходит идейная грань между «Полетом орла» и «Счастливчиком Пером». Основная мысль притчи, как отмечалось, в невозможности противостоять влиянию среды. В «Счастливчике Пере» для свободной личности неодолимых преград не существует.

Последнее крупное полотно писателя – роман «Царство мертвых», в котором он развивает одну из тем «Счастливчика Пера» – тему судьбы брандесианского наследия в Дании. В «Счастливчике Пере» Понтоппидан восхищается доктором Натаном, прототипом которого в романе послужил Г. Брандес: «Докатившаяся из Европы – не без содействия доктора Натана – волна культурного подъема не только вызвала давно не изведанный духовный расцвет, не только породила революционно настроенную плеяду писателей, но и вывела на арену множество юных дерзновенных умов, которые искали применения своим силам в областях чисто практических». Однако результаты деятельности доктора Натана Понтоппидан оценивает как малозначительные, с горечью констатируя, что «современные идеи свободомыслия» не были восприняты датским обществом. После того

как «Современный прорыв» утратил свою созидательную силу, произошло то, что и должно было произойти: «...пробуждавшееся к духовной жизни сознание нации обратилось к религии, и наступила религиозная реакция».

Почти одновременно с началом работы над романом «Царство мертвых» Понтоппидан написал стихотворение, которое он также посвятил судьбе духовных завоеваний Г. Брандеса в Дании. Оно было опубликовано 4 февраля 1912 г. – в день семидесятилетия датского критика. «Почему великий мастер, близкий друг поэта, удалился от празднеств и не принимает почестей?» – спрашивает поэт и не находит ответа. И вот то ли во сне, то ли наяву к нему ночью прилетает Сова. Ее голос звучит резким диссонансом в хоре похвал, которые днем раздаются со всех сторон: «Он принес в страну свет!» Сова кричит совсем иное: «Он воскликнул: “Да будет свет!” – и вокруг стужилась тьма».

И хотя сам юбиляр отнесся к стихотворению довольно настороженно («...Ваше стихотворение весьма туманно, – писал он Понтоппидану, – и я не совсем понимаю, хотели ли Вы выразить Ваш или мой взгляд на обстоятельства»¹), критика Понтоппидана была направлена против тех сподвижников Г. Брандеса, которые изменили его идеалам борьбы за свободу. Как пишет Х. Стангеруп, «стихотворение Понтоппидана – это рукопожатие Г. Брандесу и обвинение в адрес его последователей, не сумевших продолжить его дело»².

В «Царстве мертвых» Понтоппидан с горечью признает, что провозглашенная Г. Брандесом идея борьбы за свободу не пустила корней в сознании датской нации. Молодое поколение отвернулось от него, так и не оценив величие его подвига. Враги свободы «сумели подорвать веру в разум и погасить свет жизнеутверждающей гуманности». «Свет нового дня, блеск солнца, весеннее настроение, радость жизни исчезли в сумерках упадка».

Свой пессимистический взгляд на развитие общественной ситуации в стране Понтоппидан выражает в трагических судьбах героев романа: политика Тюге Энслева, помещика-либерала Торбена Димера и дочери министра Ютте Абильтгор.

В образе Тюге Энслева Понтоппидан воплотил черты некоторых ведущих скандинавских политиков конца века, однако главным прототипом героя романа послужил Г. Брандес, активно участвовавший в деятельности либеральной партии «Венстре». Как и Г. Брандесу, герою романа, посвятившему свою жизнь борьбе «за идеалы свободы и прогресса», приходится испытать горечь поражения.

Сыну простого кузнеца, ставшему политическим лидером оппозиции, «борцу за справедливость и защитнику бедняков» не удастся провести в жизнь демократические реформы. Его предадут карьеристы и циники из его же собственной партии, напуганные его «бескомпромиссностью и стремлением к истине». Видя, что идеалы борьбы за свободу больше не воспламеняют тех, кого он прежде считал своими единомышленниками, Энслев переживает глубокое разочарование. «Подобно Моисею, он хотел вывести народ из рабства, пробудив в нем волчий аппетит к жизни. Быть может, в стране уже никогда больше не родится человек, наделенной столь же божественной волей, как у него... Но мы видим теперь, результатом борьбы за освобождение стало появление кучки несчастных, поперхнувшихся жизнью людей», – с горечью констатирует автор.

Глубоко разочарованы происходящим в стране близкие Энслеву по духу Торбен Димер и Ютте Абильтгор. Торбен мог бы сделать блестящую политическую карье-

¹ Skjerbaek T. Kunst og budskab. Studier in Henrik Pontoppidans forfatterskab. København, 1970. S. 70.

² Stangerup H. Henrik Pontoppidan // Dansk Litteratur historie. Bd. 3. 1977, S. 298–299.

ру. Однако он предпочитает вести жизнь затворника в своем родовом поместье в Ютландии. После долгого пребывания за границей Дания представляется ему «царством мертвых», «местом, где миллионы безвольных теней похоронили свои мечты о счастье». Торбен умирает с мрачным пророчеством на устах: «Мы стоим перед мировой катастрофой, которая станет последней судорогой смертельно больного общества».

Мрачное умонастроение Торбена всецело разделяет Ютте Абильтгор, в которую он был влюблен еще со времен своей юности. Ютте кажется самой себе «единственным бодрствующим человеком, случайно оказавшимся в мире сомнамбул». Она убеждена, что всю свою жизнь провела в заточении. «Однажды мне пригрезилось, будто я блуждаю в большой темной зале и пытаюсь открыть хотя бы одну из многих дверей; но все они заперты, и я никуда не могу выйти. Такой мне часто представляется жизнь». Ее чувства умерли. Ютте уходит из жизни через год после смерти Торбена, у нее, как и у него, больше нет желания жить.

И Торбен, и Ютте – плоть от плоти того утратившего жизненные ориентиры поколения, которое пришло на смену радикально настроенным участникам «Современного прорыва». Представители нового поколения уже не способны принимать жизнь «во всем ее величии и многообразии». Они не в силах повлиять на обстоятельства и изменить жизнь к лучшему.

И все же Понтоппидан не теряет веры в будущее. В эпилоге романа выжившие в «царстве мертвых» друзья Торбена приходят на его могилу. Они готовы следовать его духовному завещанию и «принимать жизнь такой, какая она есть, с ее светлыми и темными сторонами». Роман завершается светлой мажорной нотой: «чистые, радостные звуки свирели одного из собравшихся звучали как знак духовного пробуждения и обновления».

Творчество Понтоппидана, пронизанное беспокойством и чувством ответственности за судьбу человека, с самого начала вызывало споры. Они достигли своего апогея, когда Шведская академия решала вопрос о нобелевском лауреате по литературе за 1917 г. Одни из ее членов видели в Понтоппидане яркого и самобытного художника, другие, во главе с В. фон Хейденстамом, считали его «старомодным подражателем Бальзаку». Компромиссным решением Нобелевского комитета стало присуждение премии сразу двум датским писателям: Хенрику Понтоппидану и Карлу Гьеллерупу, хотя вклад Гьеллерупа в художественную литературу Дании был все же не столь значительным, как у Понтоппидана. Впрочем, и тогда уже было ясно, что причина негативного отношения к нему со стороны ряда членов комитета заключалась в ангажированности его гражданской позиции, о которой сам Понтоппидан в книге воспоминаний «На пути к самому себе» писал: «Великих подвигов своим пером я не совершил, и хорошо это знаю. Но в течение ряда лет я выполнял свой долг как простой солдат в извечной борьбе за освобождение человеческого духа»¹.

Высокую оценку творчества Понтоппидана дал в 1927 г. Томас Манн, отметивший, в частности, что Понтоппидан «достиг в литературе совершенно европейского уровня». И далее: «Со всепобеждающей и изумляющей силой, в которой заключается тайна искусства, он судит свое время и как подлинный художник указывает путь к более высокой человечности»².

¹ *Pontoppidan H. Undervejs til mig selv. København, 1954. S.176.*

² *Omkring Lykke-Per / Udgivet af Knut Ahnlund. København, 1971. S. 173.*

ЛИТЕРАТУРА

- Brandes G.* Henrik Pontoppidan // Brandes G. Samlede skrifter. Bd. 3. København, 1919, 546 s.
- Bredsdorff E.* Henrik Pontoppidan og Georg Brandes. En kritisk undersøgelse. København, 1964. 306 s.
- Brønsted M. og Kristensen S.M.* Danmarks litteratur. Bd. 2. København, 1966. 192 s.
- Dahlerup-Petersen E.* Henrik Pontoppidan // Kapitler af dansk digtning. København, 1951. 348 s.
- Omkring Lykke-Per / Udgivet af Knut Ahnlund. København, 1971. 355 s.
- Pontoppidan H.* Undervejs til mig selv. København, 1954.
- Skjerbaek T.* Kunst og budskab. Studier in Henrik Pontoppidans forfatterskab. København, 1970. 302 s.
- Stangerup H.* Henrik Pontoppidan // Dansk Litteratur historie. Bd. 3. 1977. 730 s.
- Thomsen K.* Hold galden flydende. Aarhus, 1957.

ЛИТЕРАТУРА

- Brandes G. Henrik Pontoppidan. I: Brandes G. Samlede skrifter. Bd. 3. København. 1919, 546 s.
- Bredsdorff E. (1964) Henrik Pontoppidan og Georg Brandes. En kritisk undersøgelse. København. 306 s.
- Brønsted M. og Kristensen S.M. Danmarks litteratur. Bd. 2. København. 1966. 192 s.
- Dahlerup-Petersen E. Henrik Pontoppidan. I: Kapitler af dansk digtning. København. 1951. 348 s.
- Omkring Lykke-Per / Udgivet af Knut Ahnlund. København. 1971. 355 s.
- Pontoppidan H. (1954) Undervejs til mig selv. København.
- Skjerbaek T. (1970) Kunst og budskab. Studier in Henrik Pontoppidans forfatterskab. København. 302 s.
- Stangerup H. Henrik Pontoppidan. I: Dansk Litteratur historie. Bd. 3. 1977. 730 s.
- Thomsen K. (1957) Hold galden flydende. Aarhus.

Сведения об авторе:

Сергеев Александр Васильевич,
канд. филол. наук,
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexander Sergeev,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
av-sergeev@mail.ru